В памяти первоначального владельца, кроме Хань Цинсуна, семьи ее мужа и старых врагов ее семьи, которые соперничали с ними весь год, на самом деле не было никого, кого она могла бы вспомнить, не говоря уже о таком порядочном человеке.

Ян Хань мог видеть, что она, казалось, не помнила его, заставляя его улыбнуться с оттенком игривости: “Разве ты не помнишь Лань Хуахуа?”

Лань Хуахуа? Ее волосы встали дыбом; кто, черт возьми, такая Лань Хуахуа?

О. Она вспомнила, что имя первоначального владельца технически можно было интерпретировать как Линь Лань.

В конце концов, она была из сельской местности. Люди там называли своих дочерей именами цветов, растений, культур и так далее, но они не знают слово(иероглиф) " Лань -орхидея

Но серьезно, Лань Хуахуа...это слишком слащаво.

Ян Хань посмотрел на нее и увидел ее испуганное выражение и рассмеялся: “Не бойся, я не плохой человек”.

Неужели плохие люди говорят, что они плохие?

Однако Линь Лань размышляла о Лань Хуахуа.

Яньхань быстро сказал: “Линь Лань, я Панпан”, - если бы он не уточнил это, он боялся, что она сейчас начнет бить его.

“Панпан*... А, это ты, Ян Пангпанг**!” Линь Лань вдруг вспомнила, она вспомнила!

Когда первоначальная владелица была ребенком, у нее был друг, которого она знала как Панпан. Однако все называли его "Пангпанг", потому что в то время он был действительно светлокожим и пухлым.

Теперь это довольно странно, что она подумала об этом. В 1950-х годах все жили не очень, тогда никогда не хватало еды или тепла. У всех были худые фигуры из-за ограниченных ресурсов, и все же Ян Панпан смог стать толстым в этих обстоятельствах.

Все думали, что это странно, втайне задаваясь вопросом, действительно ли он съедал десять яиц в день!

В то время двум людям в одной семье разрешалось выращивать только оду курицу. При таком количестве людей в его семье им разрешалось разводить двух с половиной куриц. Однако его бабушка на удивление вырастила шесть куриц и никогда не была поймана. Все, что она хотела сделать - это убедиться, что ее единственный внук остается сытым.

Она вспомнила еще кое - что — на этот раз первоначальная владелица была моложе. В возрасте восьми лет она начала работать, а Ян Панпан пошел в школу. Мальчики и девочки никогда по-настоящему не смешивались и не взаимодействовали в то время, потому что, как только они это делали, другие дети дразнили их.

Для маленьких детей, которые просто думали, что женщины забеременеют, если они обнимутся или поцелуют друг друга, было правдой, что мужчины и женщины не могут играть

вместе, если они не намереваются начать отношения.

Но когда первоначальная владелица стала старше, она была занята борьбой со своей третьей сестрой. Действительно, ей было наплевать на то, что происходит с другими людьми вокруг нее, поэтому Ян Панпан тоже был забыт и отодвинут на задний план ее сознания.

Несмотря на то, что Линь Лань снова назвала его "Ян Пангпанг", это было похоже на расплату за то, что он обратился к ней по прозвищу Лань Хуахуа, в его действиях не было неловкости.

Он улыбнулся и сказал: “Да, это я. Пойдем, позволь мне угостить тебя паровыми булочками.”

Линь Лань была вне себя от радости: “Наконец-то я нашла здесь кого-то, кого знаю. Я собираюсь хорошо, и сытно поесть...” Поняв, что она была немного в восторге, она смущенно улыбнулась: “Без обид, но я вроде как очень голодная”.

“Я знаю, вот почему я ждал здесь, чтобы пригласить вас съесть пару булочек на пару”, - Ян Хань попросил их пойти с ним в кафетерий.

Там была не только корзина белых булочек на пару, но даже миска супа с яйцами и с морскими водорослями!

Хотя это не было чем-то необычным по сравнению с современными деликатесами, которые она ела раньше, Линь Лань пришла в восторг. В конце концов, еда вкуснее всего, когда ты голоден.

Она быстро достала немного денег.

Ян Хань строго сказал: “Мы из одной деревни; не обращайся со мной так, как будто я не могу позволить себе несколько булочек на пару и миску супа. Это было бы пренебрежением к моим способностям".

Линь Лань сказала Сяованю: “Сяован, скажи, спасибо, дяде".

Сяован быстро взглянул на него. Его губы слегка шевельнулись, когда он назвал его дядей.

Ян Хань хотел коснуться его головы.

Сяованю было так страшно, что он поспешно уклонился от его прикосновения, отчаянно вцепившись в Линь Лань.

Линь Лань успокаивающе похлопала его, намекая, что ему не нужно нервничать.

Ян Хань засмеялся и поддразнил его: “Не сдерживайся и ешь столько, сколько хочешь; дядя может себе это позволить”.

Линь Лань улыбнулась и сказала: “Ну, тогда извини нас, и спасибо за еду”.

Да уж, кто бы мог подумать, что настанет день, когда булочки на пару и суп с яйцами и с морскими водорослями будут считаться деликатесам; никто бы ей не поверил, если бы она была в современном мире!

Как жаль, что она не может общаться со своими друзьями в другом мире. В противном случае она бы обязательно транслировала это в прямом эфире в социальных сетях, чтобы они увидели!

Линь Лань и Сяован поели хорошо, и она не забывала напоминать Сяованю, чтобы он закрывал рот, когда ест. Она следила за тем, чтобы он не издавал звуков во время жевания, запивая суп маленькими глотками и не фыркал повсюду…

Ян Хань выглядел немного удивленным.

В это время Линь Лань подняла глаза и спросила его: “Ян Хань, как ты узнал меня?”

Ян Хань указал на свои глаза: “Разве ты не помнишь? У меня маленькие глаза, но они очень хорошо видят. Честно говоря, ты выглядишь почти так же, это я изменился, очень сильно”.

Линь Лань взглянула на него, задаваясь вопросом, было ли "почти то же самое" комплиментом или он все еще был тем очаровательным и детским мальчиком из ее воспоминаний.

Он и правда превратился в настоящего мужчину, из пухлика превратился в красавца.

Она улыбнулась и продолжила есть, спокойно размышляя о Ян Хане.

Ян Хань спокойно наблюдал за ней.

Это странно. Хотя в детстве у нее был немного вспыльчивый характер, она все еще была нормальной маленькой девочкой. Она также была довольно прямолинейной— когда люди дразнили и издевались над ним за то, что он толстый и пухлый, она праведно вступалась за него.

Почему ее назвали тигрицей или мегерой, когда она вышла замуж? Они даже сказали, что она сперва будет плакать, потом скандалить, а затем закатывать истерику.

Может быть, она слишком привыкла затевать ссоры со своей третьей сестрой? Но в тот раз она побила свою сестру, а не причиняла себе вреда. Так почему же она не избила своих родственников, а вместо этого предпочла мучить себя?

Может быть, в конце концов, семья ее мужа была никчемной— и превратила совершенно нормальную девушку в сумасшедшую.

Он не раз слышал, как она прыгала в реку, вешалась и косвенно пила пестициды.

Сначала он думал, что она, должно быть, похожа на других несчастных сельских женщин сейчас — черты лица неряшливые и неопрятные, с опухшим лицом и тусклыми глазами. С ее безумными поступками и жестоким характером он думал, что она окажется похожей на его невестку Сян Линь, которая каждый день жаловалась на свою "несправедливую жизнь", поскольку ее постоянные придирки отгоняли всех от нее.

Он не ожидал, что действительно увидит ее сегодня у входа в больницу. Хотя она выглядела немного изможденной, она казалась вполне нормальной и даже обладала определенным темпераментом!

Назвать это темпераментом было бы несправедливо по отношению к Лань Хуахуа, но он почувствовал легкое недомогание, потому что спокойная и собранная аура Линь Лань, казалось, не излучала той атмосферы, которая должна была быть у женщины из сельской местности.

В любом случае она не похожа на землеройку.

Как может землеройка, так есть?

Ян Хань задумался, придя к выводу, что слухи никогда не были достоверными.

Когда Линь Лань насытилась, они вдвоем поговорили о прошлом и о состоянии Сяованя и его очках.

Ян Хань сказал: “Как насчет этого— когда очки прибудут, я попрошу почтальона забрать их и отправить вам домой, чтобы вам не пришлось снова приезжать сюда”.

В жаркие дни, не удобно брать с собой ребенка.

“Это отличная идея, почему я об этом не подумала?” - тайно спросила себя Линь Лань. Возможно, она была слишком голодна, чтобы мыслить рационально, поэтому совершенно упустила идею нанять почтальона, чтобы доставить его.

Глядя на темнеющее небо, она коснулась слегка раздутого живота Сяованя и попрощалась с Ян Ханем, чтобы отправиться домой.

Первоначально она хотела пойти в универмаг, чтобы сделать несколько крупных покупок, но вспомнила, что у нее не было с собой билетов. Поэтому она могла только уныло чувствовать боль от того, что не может купить вещи, несмотря на наличие денег.

Ян Хань удивленно сказал: “Ты же не собираешься идти домой пешком, верно?”

“Ну, мы пришли сюда пешком", - Линь Лань было все равно. В это время она могла действовать только так, как общественный автобус на 11-й улице, только подошвы ее ботинок терлись о дорогу в качестве средства передвижения для ее путешествия.

“Подождите здесь, я спрошу, есть ли машина, идущая в сторону вашей коммуны”.

Сказав это, Ян Хань ушел.

Вскоре он вернулся: “Никто не направляется в вашу коммуну, но некоторые направляются в ближайшую коммуну, недалеко от вашей. Поймай попутку там, а потом сможешь проделать оставшуюся часть пути домой, пешком”.

“Это хорошо. Большое тебе спасибо за помощь, я никак не ожидала встретить сегодня в больнице знакомого”.

Линь Лань планировала найти способ принести Ян Ханю немного яиц, овощей и еще чего-нибудь для Янь Ханя во время ее следующего визита в уездный город. Товары и яйца были лучшими подарками для простых людей в это время.

Ян Хань провел ее к машине и дал Сяованю горсть конфет в виде волшебного фокуса.

На Сяоване были шорты и жилет, но у него не было карманов. Поскольку он не мог держать их, Линь Лань пришлось взять их за него.

“Мы поели за твой счет, а теперь ты даешь ему что-то еще, мне даже неловко”.

Ян Хань улыбнулся: “Я ведь дядя, не так ли?” У него не было сестры, поэтому он относился к

ней как к родной с тех пор, как они были детьми.

Линь Лань взяла Сяованя за руку и помахала Ян Ханю на прощание.

Гораздо удобнее возвращаться на машине.

Поездка на машине заняла около двух третей ее путешествия, и это обошлось ей всего в два цента, что заставило Линь Лань чуть не взвизгнуть от дешевой сделки.

Она взяла Сяована и вышла из машины. В это время солнце садилось, и закат отразился на реке, образуя сверкающие золотые отблески на поверхности воды.

Их лица были покрыты слоем серой пыли, поэтому она взяла Сяованя, чтобы вымыть их лица.

Когда она поднялась, то обнаружила Сяованя лежащим на спине с маленьким личиком, и закрытыми глазами, а его длинные ресницы двигались под тонкими золотыми лучами. Вечерний ветерок развевал его растрепанные волосы, как у ребенка на картине маслом— тихий и спокойный, с ангельским блеском.

Она не могла позволить себе беспокоить его.

Через некоторое время Сяован открыл глаза, глядя в направлении заходящего солнца, прежде чем прошептать: “Мама, послушай!”

Линь Лань навострила уши, чтобы прислушаться. Она услышала симфонию леса— пели цикады и лягушки, а щебет насекомых сопровождался шелестом ветра. Это было действительно приятно.

“Мама, ты это услышала?”

“Услышала”.

"Есть..звуки” - сказал он, прежде чем закрыть глаза и замурлыкать, что на самом деле было довольно приятно слушать.

Линь Лань удивленно посмотрела на него — этот ребенок действительно не просто ребенок. Он был намного лучше тех детей, которые могли петь только простые и незамысловатые пропагандистские песни.

Помимо того, что он научился играть на соне и большем барабане(на ножках), откуда деревенскому мальчику знать основы музыки?

…

Немного отдохнув и выпив немного воды, Линь Лань повела Сяованя домой.

Поле было полно рабочих, которые ухаживали за посевами и обрабатывали пестицидом. Когда они увидели, что она привела Сяованя, они были удивлены, и продолжали глазеть на них.

Линь Лань, естественно, было все равно. У нее есть репутация сварливой, который, защищал ее, как темный ореол, так чего ей бояться!

“Ма!” - резко окликнул ее чей-то голос.

Линь Лань проследила за источником звука и обнаружила маленькую девочку, бегущую по полям с севера. Ей было 8 или 9 лет, с живой и симпатичной внешностью— это была Майсуй.

Майсуй быстро подбежала: “Мама, ты ездила в уездный город искать меня?”

Майсуй была не по годам развитой девочкой. В возрасте 9 лет в этом году у нее уже развилась любовь к красоте, и ее тщеславие также начало обретать форму.

Это был ребенок, которого первоначальная владелица любила больше всего. Однако Майсуйи не была так близка со своей матерью, как думала первоначальная владелица, не желая быть ‘маленькой девочкой своих родителей". Вместо этого она сблизилась со своими богатыми бабушкой и тетей.

Она решительно сказала: “Я возила твоего брата к врачу”.

Майсуй чутко заметила, что тон ее матери был немного холодным, прежде чем она взглянула на маленького брата, который держался за ее бедро. С презрением в глазах она удивилась, почему ее мать не назвала его маленьким дурачком.

“Я думала, ты поехала в уездный город, чтобы забрать меня, потому что я не вернулась ночью”, - тон Майсуй был немного потерянным.

Ее мать обычно заботилась бы о ее нуждах и желаниях больше всего. Но теперь ее положение было на втором месте после ее младшего брата.

Неприятное чувство шевельнулось в ее сердце.

Линь Лань небрежно спросила о ее успехах в школе и о дяде и тете девочки. Затем она спросила ее что делал Даванг за последние два дня.

Она боялась, что Даванг отправится в уездный город, чтобы встретиться с некоторыми плохими людьми, и изменится под их негативным влиянием.

Однако Майсуй не могла ответить на эти вопросы. И продолжала говорить о красочном мире в городе, о том, как хорошо одеваются люди в городе, сколько хороших вещей продается в универмаге — юбки с цветами, красивые заколки для волос, маленькие кожаные туфли и так далее.

Линь Лань начала терять терпение: “Давай поговорим дома”.

Майсуй видела, как Сяован крепко держал их мать за руку, что раньше было бы невозможным поступком, так как она ненавидела Сяованя и никогда не брала его с собой на прогулку.

Так почему же она предпочитает его ей? Ей стало неловко, поэтому она подбежала, чтобы интимно взять Линь Лань за другую руку: “Мама, я не возвращалась всю ночь, я скучала по тебе”.

Линь Лань про себя сказала: “Ты так же, никогда больше не увидишь свою мать”.

Твоя мать вчера выпила немного пестицидов. Мне жаль, но ты действительно больше не сможешь увидеть свою маму.

Когда Майсуй и ее старший брат вернулись домой, они уже слышали, как их бабушка и тети живо рассказывали о том, как их мать бездельничала и выпила пестициды. Она даже добавила несколько собственных язвительных комментариев.

Выражение лица ее старшего брата было холодным, как будто он хотел совершить акт убийства. Не говоря ни слова, он выбежал, чтобы привязать ее к сорнякам, а она побежала на встречу, чтобы дождаться свою мать. Другие говорили, что ее мать отвезла Сяованя в уездный город, чтобы показаться врачу, но она была уверена, что мать намеревалась забрать ее из уездного города.

Кто бы мог подумать…

“Мама, у тебя есть деньги, чтобы оплатить медицинские расходы Сяованя? Почему бы тебе не купить мне пару кожаных туфель?” - откровенно сказала она, и в ее тоне даже послышался оттенок несчастья.

В конце концов, ее мать покупала ей вещи всякий раз, когда у нее появлялась какая-нибудь мелочь. Поэтому она привыкла к этому и чувствовала, что это естественно.

Линь Лань серьезно посмотрела на нее и сказала: "Майсуй, начиная с сегодняшнего дня, каждый цент нашей семьи сначала будет иди на лечение Сяованя, а затем вам на еду и школу. Про красивую одежду и другое, поговорим когда будет больше денег.”

Что? Мать отказала ей?

Майсуй была немного смущена и непонимающе смотрела на Линь Лань.

Мама изменилась! Она теперь как мачеха!

http://tl.rulate.ru/book/64199/1837948